

ФЛИЕР АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧ

ОПЫТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Статья посвящена самоопределению автора в современном мире и выстраиванию иерархии значимых для него параметров его идентичности. Особенное внимание уделено цивилизационному самоопределению автора в качестве европейца, социально-статусному самоопределению в качестве интеллигента и профессиональному самоопределению в качестве учёного-культуролога. Рассматривается также отношение автора к религии и Богу, его самоопределение в качестве агностика и его политическое самоопределение в качестве либертарианца. Также затрагиваются вопросы национального, мировоззренческого и ценностно-культурного самоопределения современного человека.

Ключевые слова: идентичность, цивилизационный тип, социально-сословный статус, профессиональный статус, политические взгляды, вероисповедание.

Keywords: identity, civilization type, socio-class status, professional status, political views, religion.

Идентичность каждого человека складывается из многих отличающих его признаков, выстроенных в иерархическую цепочку по степени значимости их для данного индивида. Я никогда не испытывал сложностей со своей самоидентификацией, наверное, потому, что моя иерархия отличающих меня признаков строилась не по национальному, а по цивилизационному и социальному принципам. Наиболее значимыми для меня всегда были три признака.

Во-первых, я европеец. Моя родина — Европа, а Россия лишь в той мере, насколько она Европа. Это понятие не географическое, а культурное. Можно жить во Владивостоке и быть европейцем, а можно и в Калининграде быть азиатом. В основе европейской культуры, по моему мнению, лежат Античность и христианство. При этом Античность, я думаю, больше повлияла на художественную культуру Европы; значительная часть образов и форм европейского искусства и литературы взята оттуда. А христианство сформировало общее мировоззрение европейцев: глобальную иерархию ценностей, отношение к добру и злу, представления о социальной справедливости и т. п. Именно этим европейская культура отличается от остальных. Для меня это и основа моих ценностных ориентаций.

Отмечу, что при этом сам я не верующий, ни к какой конфессии не принадлежу и вполне равнодушен к христианскому вероучению (интеллектуально мне более интересны буддизм и китайский даосизм). Однако мои культурные ориентации чисто христианские, независимо от моих религиозных взглядов или их отсутствия.

В 1997 году в Швейцарии, в г. Лозанне, мне делали операцию на сердце. И за день до операции меня отпустили погулять в город. Там я нашёл несколько средневековых памятников и даже забрался на гору, которую венчал готический собор. Так вот, у подножия этого собора я почувствовал, что я — дома, в органичной для себя культурной среде. Такое же чувство дома охватывало меня во Владимире, в Смоленске, в Санкт-Петербурге, во Львове. Я видел, что это всё христианская Европа, это моя родная европейская культура.

Замечу, что в Израиле, где для меня многое было очень интересно, такого чувства, что я дома, не возникало. Это не Европа, хотя в повседневной израильской культуре европейского больше, чем, наверное, хотелось бы самим израильтянам.

Таким образом, я определяю себя европейцем по цивилизационной принадлежности, что практически является и моей национальностью. Я ощущаю своё культурное родство не с каким-то отдельным этносом, а со всей Европой в целом. Во всех смыслах я — порождение европейской христианской культуры со всеми её особенностями. Хотя я и не могу назвать себя атеистом — человеком, в принципе

отрицающим существование Бога, скорее я агностик — человек, сомневающийся в достоверности наших представлений о нём, в универсальности христианских догм и проч., но я понимаю, что мои культурно-ценностные ориентации в целом близки к католическим.

Во-вторых, я интеллигент. Споры о том, что такое интеллигентия и каковы признаки интеллигентности, ведутся уже почти два века [2]. И у меня есть своя версия этого.

Интеллигент — это прежде всего дитя книжной культуры, человек, прочитавший тысячи книг и впитавший в себя их ценностный багаж; способный наизусть декламировать целые главы из «Евгения Онегина» или целые акты из «Гамлета». Человек, измеряющий ряд событий истории через литературные образы и воспринимающий мир как художественный текст и потому хорошо понимающий постмодернизм, играющий именно по этим правилам. При современной экспансии кино, экранизировавшем уже всю литературу, интеллигент сохраняет возможность сравнить любую киноверсию с её литературным первоисточником.

Интеллигент — это дитя культуры. Он может быть консерватором или футуристом, но он видит мир сквозь призму культуры, воспринимает социальную реальность как явление той или иной культуры.

Интеллигент всегда оппозиционен любой власти — красной, белой, зелёной и проч. Он и политическая власть — понятия несовместимые. Когда-то мне довелось читать книгу Бенито Муссолини «Доктрина фашизма» [8]. В ней было много интересного, но особенно мне запомнились рассуждения Муссолини о том, что главными врагами фашистов являются даже не русские коммунисты, а британские либералы. Либералы особенно опасны тем, что они распространены по всему миру и называют себя интеллигентами. Отсюда главная задача фашистов — истребить всю интеллигенцию сначала в Италии, а затем и по всей Земле...

Действительно, интеллигент — это, как правило, либерал (сторонник свободы любых форм деятельности) и антифашист (противник идеи политического насилия). Отсюда интеллигент — понятие не только гуманитарно-культурное, но и политическое. Интеллигент всегда находится в оппозиции к власти, неизбежно ущемляющей свободу, хотя активным революционером он становится редко.

И, в-третьих, я учёный. В моём понимании учёный — прежде всего это человек, ищущий рационального понимания и объяснения всего наблюдаемого мира. Рационализм сознания — это первое, что отличает учёного. Всё, что наблюдается глазом (или прибором), может быть рационально объяснено. А то, что не наблюдается (например Бог), не нуждается в таком объяснении. И второе — это способность увидеть мир как систему, все части которой функционально связаны и в какой-то форме взаимодей-

ствуют [7]. Системность мировидения — это тоже отличительная черта учёного.

Всё это уже само по себе не просто. Но ситуация ещё больше усложняется тем, что рациональных объяснений наблюдаемого мира может быть множество, и потому наука — это поле постоянных теоретических дискуссий между сторонниками различных объяснений (концепций) устройства наблюдаемого мира и процессов, в нём протекающих.

Возникает вопрос: а где же истина? А она непознаваема, поскольку постижение истины предполагает исчерпывающее знание, что не достижимо в принципе. Мир познаваем, но всегда не до конца, и наука лишь поступательно приближается к этому исчерпывающему знанию, не достижимому в абсолюте. Тем не менее учёные заняты расширением этого поля знания, неустанным пополнением его багажа, поиском новых объяснений наблюдаемых феноменов, помня о том, что истина — понятие религиозное; в науке никаких истин не бывает, а есть только постоянно корректируемые знания. Выражение «поиск истины» в научных текстах встречается часто, но имеет весьма условный смысл (в тех случаях, когда автор понимает смысл слова «истина»).

Учёный должен ясно представлять себе, чем его научное исследование отличается от квалификационной работы с её соответствием ВАКовским требованиям. Быть учёным — это быть предельно независимым мыслителем, не боящимся ни власти, ни ВАКа, ни осуждений со стороны коллег.

В моей области знаний — культурологии — приходится понимать, что культура вовсе не венец творения, а только мотиватор поведения и деятельности людей как этапа в развитии движения материи во Вселенной, и, по всей видимости, далеко не последнего этапа. В масштабах истории культура — лишь одна из технологий совместной жизнедеятельности разумных организмов (людей) на определённой стадии их развития [4; 5; 6]. А что будет дальше?

Таким образом, учёному приходится развивать знание в условиях недоказуемости истины, в непрерывной борьбе правды науки с сиюминутной политической целесообразностью, в потоке текучей истории, постоянно меняющейся основные, системообразующие правила игры, и т. п. Тем не менее только накопление научного знания объективно является наиболее эффективным ускорителем развития человечества в пространстве-времени. Вот только участи учёного при этом не позавидуешь...

Моё вероисповедание и отношение к Богу. Я уже говорил, что я агностик. Я полагаю, что, если мы не можем изучать Бога эмпирически, то наше умозрительное представление о нём тем более сомнительно. Если он действительно есть, то представляет собой нечто совсем иное, чем мы думаем. И хотя я не отрицаю существования Бога (как возможности), но я и не вижу явных подтверждений тому.

Как явление культуры Бог мне понятен и социально очень полезен (вспомним шутку Вольтера о том, что если бы Бога не было, его следовало бы выдумать). Идея Бога — это основной регулятор наших инстинктов (сохранившихся, но в ослабленном виде). Наличие религии представляется главным, что отличает людей от животных (все остальные элементы культуры, включая искусство, у животных есть; нужно только научиться это видеть). Какой бы была человеческая культура без идеи Бога? Такого даже невозможно себе представить.

Я — агностик, то есть незнающий. Мировоззренчески я не занимаю никакой определённой позиции в отношении религии. Все существующие конфессии своими догматами о сущности Бога меня не убеждают (хотя некоторые из них, особенно «безбожные» буддизм и даосизм, мне интересны). Убеждает только старая сентенция, гласящая, что Бог — это природа. Но тогда зачем множить сущности, как спрашивал Уильям Оккам [3]?

В студенческие годы мне посчастливилось учиться у Ирины Сергеевны Свенцицкой, крупнейшего отечественного специалиста по раннему христианству. И в последующем мы с ней неоднократно встречались, и я засыпал её горой вопросов по раннему христианству, которое меня всегда очень интересовало.

Лекции Свенцицкой по истории религий (очень тактичные в вероучебном плане) в большой мере сформировали моё отношение к религии в целом, а главное — научили меня отделять своё мнение о религии как о психико-компенсаторной программе от мнения о церкви (или любой иной конфессиональной институции) как об административно-регулятивной структуре. Церковь и особенно церковная иерархия по большому счёту далеки от религии как таковой (хотя и мнят себя её главными представителями) и заняты преимущественно обеспечением собственных политических интересов. А вероучебные догматы и религиозные доктрины, создаваемые основателями религий и церковными учёными-теологами, идейно вполне самодостаточны и пользуются авторитетом в силу традиции. Они служат теоретическими основаниями для новых моделей поведения людей, а порой становятся и полноценными политическими идеологиями. Близка к религии (массовым верованиям) и низовая часть клира — приходские священники, муллы, раввины, гуру, ламы и т. п., постоянно общающиеся с паствой. Сама же паства в основном слабо разбирается в интеллектуальных изысках религиозных доктрин, и потому её пастыри в своих проповедях обычно апеллируют не к логике, а к религиозному чувству верующих.

Ведь Бог открывается не разуму, а чувству. И для этого не нужно знать священные тексты. Бога нужно ощутить как свою естественную потребность, поскольку религиозная вера —

явление эмоциональное. Разум тут совершенно бессилён. Бога можно постичь только эмоционально, сердцем почувствовав наличие кого-то, кто выше и важнее тебя. Но для многих людей это становится большой психологической проблемой.

А у меня такой проблемы нет. Эмоционально я ни в какой вере не нуждаюсь. Таков опыт моей жизни. Но это вовсе не значит, что Бога нет. Вполне возможно, что он есть. Просто я этого не знаю...

В самоидентификации многое зависит от базового мировоззрения человека, его политической ориентации. Я всегда был последовательным сторонником эволюционизма и полагал предназначение науки в том, чтобы способствовать прогрессу во всех видах социальной практики и сознания. Ничто так не способствует прогрессу в любых технологиях деятельности, в функциональной организации общества, в поиске смысла нашей жизни и проч., как наука. И потому я — убеждённый эволюционист и прогрессист, несмотря на то что сегодня у нас это не приветствуется.

Я с большим уважением отношусь к марксизму как философии и считаю его лучшей теорией познания из всех, разработанных до сих пор. Но... Марксизм не только теория, но и руководство к политическим действиям. И тут он распадается на несколько течений, среди которых стоит выделить два: во-первых, **большевизм**, преследующий цель построения общества социальной справедливости посредством прямого революционного насилия (подобная программа остаётся актуальной для российских коммунистов и ныне), и, во-вторых, **меньшевизм**, стремящийся к достижению примерно тех же целей, но посредством мягкой социально-экономической трансформации, без насилия над обществом (характерная позиция современной европейской социал-демократии).

Как интеллигент я, естественно, являюсь сторонником «мягкого» пути социальной эволюции (и потому я убеждённый антикоммунист) и как учёный придерживаюсь эволюционной модели понимания истории, однако не отвергаю как заведомо неверные и иные модели (цивилизационную, креационную и проч.), а рассматриваю их в идейном контексте каждого конкретного исследования. Выбор аналитической модели всегда зависит от научных или идеологических целей, преследуемых учёным в той или иной работе, оттого, что он стремится доказать и с кем спорит, от его системообразующей идеологии. Я же, как правило, являюсь марксистом в интерпретациях прошлого, либералом в понимании на-

стоящего и **либертарианцем** в представлениях о будущем. Такова моя научная диспозиция.

Либертарианство — это политическая идеология, родственная либерализму и анархизму [1]. Само слово «либертарианство» является производным от латинского *libertas* — свобода. В XIX веке либертарианство считалось просто синонимом анархизма, но в XX веке оно выделилось в самостоятельную идеологию. В отличие от классического анархизма, тесно связанного с классовой теорией Маркса и преследующего цель создания для рабочих бесклассового и бесгосударственного строя, у либертарианства нет такой жёсткой классовой привязки, и оно преследует цель защиты любого человека от ущемления его социальной и личной свободы, прежде всего со стороны государства.

Я полностью разделяю идеологию либертарианства, являюсь её активным последователем и как учёный, и как гражданин, будучи принципиальным противником государства как идеи, как совершенно устаревшего типа социальной организации общества. Но эта тема требует уже отдельного разговора...

Но вернёмся к вопросам идентичности. В моей самоидентификации первыми стоят три признака: европеец, интеллигент, учёный. То, что в этнолингвистическом плане моими родными являются именно русский язык и русская культура или то, что генетически я происхожу от евреев-ашкеназов из Фландрии (по отцу) и Литвы (по матери) и что на одну четверть я поляк, — всё это очень для меня важно, но тем не менее это вторично в границах моей идентичности. Занятно, что внешне я больше всего похож на своего польского деда по матери, а не на три четверти своих еврейских корней.

Итак, моя идентичность иерархически построена именно в таком порядке: 1) **европеец** по цивилизационному типу, 2) **интеллигент** по социальному самоощущению, 3) **учёный** по профессии, 4) **эволюционист** по мировоззрению, 5) **прогрессист** по жизненным целям, 6) **либертарианец** по политическим взглядам, 7) **агностик** по вероисповеданию, 8) **паракатолик** по культурно-ценностным ориентациям, 9) **русский** по родным языку и культуре, 10) **еврей** по генетическому происхождению, 11) **россиянин** по гражданству, 12) **москвич** по месту обитания. Суммируя всё это, можно сказать, что и по национальности я — европеец. Моя идентичность именно в этом.

Список использованных источников

1. Боуз, Д. Либертарианство : История, принципы, политика / Д. Боуз. — Челябинск : Социум, 2009. — 428 с.
2. Давыдов, Ю. Н. Уточнение понятия «интеллигенция» / Ю. Н. Давыдов // Куда идёт Россия? Альтернативы общественного развития : Междунар. симпозиум, 17–19 дек. 1993 г. / под общ. ред. Т. И. Заславской, Л. А. Арутюнян. — Москва, 1994. — С. 244–245.
3. Смирнов, Г. А. Оккам Уильям / Г. А. Смирнов // Новая философская энциклопедия : в 4-х т. Т. 3. — Москва, 2010. — С. 142–144.
4. Флиер, А. Я. Добро и зло в культурно-историческом понимании / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. — 2015. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Flier_Good-Evil/ (дата обращения: 05.08.2021).
5. Флиер, А. Я. Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. — 2012. — № 3. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Flier_Cultural-Industries/ (дата обращения: 05.08.2021).
6. Флиер, А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры / А. Я. Флиер. — Москва : Согласие, 2014. — 528 с.
7. Флиер, А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры / А. Я. Флиер. — Текст : электронный // Культура культуры : [электрон. период. изд.]. — 2019. — № 1. — URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.06.2019).
8. Mussolini, B. La dottrina del fascismo / B. Mussolini. — Milano : Edizioni Bignami, 1939. — 114 p.

Материал поступил в редакцию 13.12.2021.

Сведения об авторе: Флиер Андрей Яковлевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, профессор Московского государственного лингвистического университета (г. Москва).

Контактные данные: e-mail: andrey.flier@yandex.ru.